

*Моим родителям,
за воодушевление*

Пролог

Солнце еще не взошло. Плотный туман Туле с белесоватым оттенком медленно расползается по улицам города, уменьшая видимость почти до нуля. Тишину, царящую на длинных проспектах, нарушает лишь рокот волн, доносящийся из далекого залива. Ароматы кофе и свежееиспеченного хлеба уже витают в промозглом воздухе. Холодно. Скоро Рождество, и это чувствуется: мороз пробирает до костей.

Высокий человек в синем костюме и с рюкзаком за плечами направляется на работу, слушая Don't Stop Me Now группы Queen в наушниках AirPods. И хотя на расстоянии пары метров уже ничего не видно, он шагает с уверенностью, уткнувшись в свой iPhone и просматривая новости в Twitter: его не интересует происходящее в реальности. Внезапно он спотыкается и, удержавшись от падения, опускает взгляд, но не замечает никакого препятствия. «Странно», — думает он.

В следующее мгновение сдавленный крик прорезает туман. Редкие в столь ранний час прохожие оборачиваются на издавшую его женщину — она в ужасе застыла в начале переулка. Встревоженные люди под-

Александр Эскрива |

бегают к ней, крики множатся, но в итоге их поглощает тишина.

У ног прохожих лежит голова молодой девушки, которая только что прикатилась из тумана.

Ее глаза и рот открыты — застыли в изумлении. Декабрьский ветер раздувает и причудливо путает ее волосы, светлые и длинные. Тела рядом нет, и эта голова, больше похожая на игрушку-страшилку, — единственное доказательство его существования. У немногих очевидцев ужасной сцены — еще не ясно, почему именно — крепнет уверенность в том, что в городе Сан-Франциско теперь никто не в безопасности.

1

Уильям Паркер
20 декабря 2018-го, Сан-Франциско

Не знаю, остались ли у меня сигареты, а ведь еще только семь утра. Я проснулся со свежей идеей и подумал, что хорошо бы ее записать, поэтому, приготовив кофе, уселся за компьютер в кабинете. И застрял на второй странице. Лучше, чем ничего. Вот уже несколько месяцев я пишу роман, но пока еще ни разу не почувствовал, что у меня получается что-то стоящее. Беда с вдохновением. Чтобы быть писателем, нужно жить писательством, или как там говорят. Поэтому с недавних пор я только и знаю, что курить да сочинять. И не то чтобы второе мне легко давалось.

Тушу бычок в пепельнице, переполненной окурками, и тут же зажигаю новую сигарету. Подхожу к окну и распахиваю его, чтобы впустить в комнату прохладный воздух. Смотрю на людей, бредущих в густом тумане, которым сегодня окутан Сан-Франциско. Все куда-то спешат. На работу, очевидно. Ведь у каждого есть работа.

.....

Гоню прочь эту догадку. Представляю, что они идут в другие менее банальные места. Цепляюсь взглядом за мужчину в синем костюме. Вижу у него наушники, которые помогают отгородиться от реальности. По идее, должны помогать. Есть в нем что-то особенное, что отличает от других, — он словно увидел привидение. Застыл на месте и, скорчив недовольную гримасу, снял наушники, засунул их в карман брюк и посмотрел на часы. Хотел было перейти улицу на красный свет, но остался стоять на тротуаре. Минутное ожидание, светофор загорается зеленым, и человек удаляется, превращаясь в маленькое пятнышко, и исчезает из поля зрения.

Сигарета тлеет, и я стряхиваю с нее пепел. Его тут же подхватывает и уносит прочь резкий порыв зимнего ветра.

Я снова рассматриваю людей на улице. Ну же, вторая попытка. Внимание приковывает девушка в красной шерстяной шапочке. На одном плече у нее висит рюкзак. Видимо, она идет на занятия в университет. Нет. Опять не то. Пусть она идет на свидание с любовью всей своей жизни, не подозревая об этом. Да, так-то лучше. Только посмотрите на нее — прячет наивную улыбку. О чем-то вспоминает. Возможно, она познакомилась с ним накануне. Возможно, вчера вечером он проводил ее до дома и хотел поцеловать, но она увернулась. На самом деле она тоже жаждала поцелуя, но у нее сдали нервы, и она поступила вопреки желанию. Сегодня она совладеет с нервозностью. Сегодня ее день.

К ней подходит парень и целует ее, а она и не думает уворачиваться.

Как же вчерашний кавалер? Ты намерена его бросить?

Закрываю окно и сажусь за письменный стол. Зажимаю сигарету зубами и смотрю в потолок, не зная, что делать дальше. Мои пальцы перебирают воздух, грозя выхватить из ниоткуда револьвер. Дым взмывает вверх, как загипнотизированная кобра, и затуманивает мой взор. Закрываю глаза и вздыхаю. Все не так.

Звонит телефон, я вздрагиваю. Кому я понадобился в такую рань? Тушу сигарету и с трудом спускаюсь по лестнице. Да, это стационарный телефон в гостиной. И да — у меня нет мобильного. Раньше у меня был рабочий, но сейчас я живу без этих невидимых оков. Отношения с родителями испортились больше пяти лет назад. Ни братьев, ни сестер, которые в теории могли бы попросить о помощи в оплате ипотеки или курсов вождения, которые они не в состоянии себе позволить, у меня нет. Есть лишь один друг — Альфред Чамберс, и он прекрасно знает, где я живу, так что никакой мобильный телефон мне не нужен. Неужели это он? Пробираюсь между коробок, которые никак не выброшу после возвращения из Окленда, и снимаю трубку.

— Да?

— Уильям Паркер?

— Кто говорит?

— Лейтенант Элис Уотсон.

Когда лейтенант Фоллон вышел на пенсию в прошлом году, его сменила эта Уотсон, но я не успел с ней поработать, поскольку попросился в отпуск сразу после вечеринки в честь ее назначения. Почему же она мне звонит?

Александр Эскрива |

— Что случилось?

— Я хочу, чтобы вы вернулись в команду.

Такого я точно не ожидал.

— Я больше не полицейский.

— Не бывает бывших полицейских.

— Теперь я писатель, — спокойно отвечаю я.

— Писатель? — В ее голосе слышится сарказм. —

И что же вы написали?

— ...

— Так и знала. Бросайте ваши глупости, Паркер. Вам даже сорока еще нет, а вы сидите уже год без дел. Это чересчур. Вашему банковскому счету не помешает располнеть, вам так не кажется?

«И не говорите». Но литература — это не глупость. Я уверен, что в недалеком будущем в самые трудные моменты своей жизни читатели будут нуждаться в моем творчестве, как в целебном эликсире. С другой стороны, я могу написать тысячи страниц и не заработать ни одного жалкого цента. Если так ничего и не опубликую. Дело в том, что пока у меня нет истории, достойной публикации. Но это лишь вопрос времени. Мне всего-то нужно...

— Паркер?

С разочарованием возвращаюсь на землю.

Кого я обманываю? Я не писатель. Я хотел отвлечься, чтобы забыть о случившемся. Но это невозможно. Память дает о себе знать, как открытая рана. Сначала я обратился к психиатру. Славный малый, но его методы мне не подошли. Я хотел преодолеть все сам, не впадая в зависимость от таблеток, которые проблемы не решали, а создавали, поэтому через пару месяцев бросил это дело. Бросил и лоразепам. В ито-

..... | **Игра с профайлером**

ге у меня более или менее нормализовался сон, хотя иногда мне все же снятся кошмары. Хотел бы я жить в ладу с собой, но не получается.

— Вы тут?

— Откуда такая срочность?

— Об этом лучше поговорить лично. Откройте мне.

— Что?

Раздался дверной звонок.

Черт. Я не в лучшем виде. Кладу трубку и иду в прихожую. В коридоре смотрю в зеркало и вижу там худого мужчину с короткими растрепанными волосами, карими глазами и ровными чертами лица. Из-за трехдневной щетины и темных кругов под глазами мне не дашь тридцать восемь. Приглаживаю волосы. Нельзя соглашаться, что бы она мне ни предложила. Нельзя допускать, чтобы все повторилось. Я этого не переживу. Нет. Писательское ремесло, если можно так назвать мое занятие, и спокойнее, и безопаснее. Моя позиция проста: я скажу ей, что у меня все хорошо и мне ничего не нужно.

Гляжу на свое непрезентабельное отражение в зеркале. Делаю резкий вдох и открываю дверь.

2

Уильям Паркер 20 декабря 2018-го, Сан-Франциско

Провожая лейтенанта Уотсон в гостиную и предлагаю ей сесть на диван. Сам опускаюсь в кресло напротив. Несколько мгновений испытующе смотрю на нее, ожидая, что она объяснит причину визита, после чего я смогу ее быстренько выпроводить. Она не изменилась со времени моего ухода: волосы до плеч, круглое и приятное лицо, тело как у олимпийской пловчихи.

— Хорошо, Паркер. Приступим к делу, у нас мало времени. Я хочу, чтобы вы вернулись.

— Это я уже понял. Простите, но я не хочу.

— Почему?

Отвожу взгляд в сторону.

— Все сложно.

Теперь Уотсон испытующе смотрит на меня.

— Вы в курсе, что я ознакомилась с отчетом о лос-анджелесском деле? — От этих слов у меня защемило сердце. — Я удивилась, что вы уволились сразу после моего назначения. Признаюсь, я подумала,

что вы не захотели работать под руководством женщины. Но потом я прочла отчет. И прессу. Трудно не думать о том, что же там произошло. — Она сжимает губы, пытаюсь удержать вопрос, но не справляется и спрашивает: — Это из-за нее, не так ли?

— Не смейте упоминать ее, — обрушиваюсь я на лейтенанта.

Уотсон кивает очень спокойно.

— Значит, дело в этом. — Она выдерживает паузу, окидывая взглядом гостиную, потом снова смотрит на меня. — В уединении ваши раны не заживут, Паркер. Вам нужно обо всем забыть, а работа поможет отвлечься. И, на ваше счастье, у меня есть для вас дело.

— Оно меня не интересует.

— Я еще не сказала, о чем идет речь.

Закрываю глаза. Может, стоит вернуться? Нет. Я не смогу. Все это лишь оживит воспоминания.

— Мне жаль, что вы потратили свое время, лейтенант. Но... я не могу. Я не тот, что прежде.

— Разрешите мне хотя бы изложить суть. Я быстро управлюсь, обещаю, — настаивает она более мягким тоном. — А если дело вас не заинтересует, сразу уйду, не беспокойтесь.

Покорно вздыхаю и киваю.

— Ладно.

Лейтенант Уотсон дважды хлопает себя по бедру в знак победы и достает мобильный. Ковыряется в нем пару секунд и протягивает мне. Увиденное повергает меня в ужас. На фотографии — отрезанная женская голова, за которой тянется кровавый след. Глаза и рот открыты.

— Черт возьми! Что это?

Александр Эскрива |

— Все указывает на убийство. Тела на месте не было.

Меня тошнит, я возвращаю ей телефон. Давно не видел подобных картин.

— Где ее обнаружили?

— В переулке в районе Норт-Бич. Примерно в 06:35 утра.

Норт-Бич. Всего в паре кварталов отсюда. Неожиданно вспоминаю испуганное лицо мужчины в синем костюме, на которого я обратил внимание ранее. Похоже, он увидел не привидение, а мертвеца. Или нечто среднее.

— Свидетели?

— Нет. Прохожие обнаружили голову, брошенную на землю, и позвонили 911.

— Она появилась там по волшебству?

— Волшебства не бывает, мистер Паркер.

«Разумеется, не бывает». Я усиленно размышляю. Кровавый след предполагает два возможных варианта развития событий: или девушка была убита на месте, или ее голову туда подбросили, отделив от тела. Но тела нет. Возможно, преступление было совершено поздней ночью. Известно, что обращение в полицию поступило чуть меньше часа назад. Любопытно. К несчастью одних и счастью других, на свете много людей с бесчеловечным графиком работы — они-то и обнаружили отрезанную голову, возможно, сразу же после убийства. Следовательно, все указывает на то, что девушка умерла незадолго до того, как прохожие позвонили в полицию. Убийца обезглавил ее в Норт-Бич и унес тело незаметно? Даже при таком тумане это маловероятно. Он сделал это в другом ме-

сте. Из головы все еще сочилась кровь — должно быть, это место где-то поблизости. Очень близко.

— Тело еще там, — оглашаю я догадку.

— Где «там»?

— Девушка живет на соседней улице. Ее убили в собственной квартире и отнесли голову в переулок, когда этого никто не видел. Наличие крови указывает на то, что голова была отделена от тела незадолго до этого. Убийца мог расправиться с ней в машине и выбросить голову в окно, но мне такой сценарий кажется слишком рискованным. Машина была бы выпачкана в крови, и водителю пришлось бы скрываться, чтобы ни один пешеход его не заметил. Тело, скорее всего, находится в каком-то жилище поблизости. Единственное, что нужно сделать, — опознать девушку. И найти тело у нее дома.

Уотсон криво усмехается.

— Девушку зовут Сара Эванс, двадцать один год. Ее опознали соседи по Филберт-стрит, которые уходят на работу рано утром. И да, ее тело было обнаружено дома, в здании, напротив которого нашли голову.

— Вы это знали? — я не могу сдержать удивления.

— Да, но, как понимаете, мне нужно было убедиться, что вы по-прежнему в форме после года простоя. Я в вас не сомневалась, Паркер. Поздравляю.

— Есть что-то еще, о чем вы мне не рассказали? — спрашиваю я с беспокойством.

— Нет. На данный момент это все, что у нас есть.

— Почему вы пришли ко мне, лейтенант? Я не единственный, кто догадался бы об этом.

— Видите ли, я давно искала повод поговорить с вами. Как уже сказала, ваше увольнение весьма ме-

ня озадачило, и я хотела удостовериться, что лучший инспектор из личного состава по-прежнему в моем распоряжении.

— Я не лучший.

— Не скромничайте, Паркер, факты говорят за себя. — Она откашливается и поднимает глаза к потолку. — Ладно, будь по-вашему: инспектор Харрис был ранен неделю назад в ходе спецоперации, поэтому сейчас он на больничном. Как вы понимаете, Департамент полиции Сан-Франциско не разбрасывается сотрудниками в подобных ситуациях, тем более когда они увольняются без уважительных причин.

Неотрывно смотрю на ковер. Пересматриваю свое исходное решение и спрашиваю:

— Чего именно вы от меня хотите?

— Чтобы вы нашли убийцу, разумеется.

В голове появляются наброски. Это мужчина. Не уверен, что это именно так, но статистика говорит сама за себя. Кто он? Предполагать пока рано. Почему он убил Сару Эванс? Первой в голову приходит самая банальная мысль — он был ее любовником, и романтические отношения закончились трагедией. Или нет. Возможно, он не был ее любовником. Возможно, они вообще не были знакомы. Пожалуй, для убийцы не так важно, кого убивать, главное — как.

Уотсон начинает что-то говорить, но я жестом останавливаю ее:

— Подождите.

Я тяну нить рассуждений все дальше от гостинной. Сейчас вижу взгляд Сары Эванс. Ее рот. Выражение ужаса на лице. Преступник мог спрятать тело где угодно. Или просто оставить его в квартире. Рано или

поздно кто-нибудь почувствовал бы смрад, исходящий из-за дверей. Но нет. Он отрезал голову и буквально выставил на улице на всеобщее обозрение.

— Эта смерть нечто большее, чем просто убийство.

— О чем вы?

— Убийца показал свою работу вместо того, чтобы попытаться замести следы. Он хочет нам что-то сказать, внушить страх. Возможно, мы имеем дело с некой угрозой, в том числе с актом мести. В любом случае держу пари, что смерть этой несчастной девушки — заявление, адресованное всему городу или конкретному человеку. В противном случае не имело бы смысла устраивать такой спектакль. Первым делом нужно провести расследование в отношении жертвы, установить, кем она была и с кем общалась. И быстро. Иначе ситуация может серьезно осложниться.

Уотсон несколько раз кивает, переваривая мои слова.

— Вы намекаете, что он продолжит убивать?

— Хочется надеяться, что нет... Но мне кажется, именно так.

— Еще одна отрезанная голова?

— Не исключено, что для него важен не способ убийства, а...

— Похоже, я за вами не успеваю.

— Я считаю, — пробую я объяснить ход мыслей, — что если ему важна смерть как таковая, а не способ убийства, то, возможно, убийца прибегнет к другим методам, понимаете? Это лишь гипотеза. В любом случае, она сейчас не важна.

Александр Эскрива |

— А что тогда важно?

— Поймать его.

— И как, по-вашему, это сделать?

— Познакомиться с ним.

— Что, простите? — спрашивает она, наклоняясь вперед.

— Мы должны отыскать даже самый незначительный след, который он оставил на месте преступления.

— Я так понимаю, вы беретесь за дело, — отвечает она.

Хотя в этом не было никакой необходимости, я чувствую себя обязанным взяться за расследование. Сара Эванс заслуживает справедливости, а горожане Сан-Франциско — уверенности в том, что им не отсекут голову в один прекрасный день. Хотя вряд ли это можно гарантировать.

Делаю долгий выдох. Черт подери!

— Да. Я берусь за это дело.